

МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНО ФЕСТИВАЛЬ 21.06 – 30.06.2012

#1
(91)

СЕРГЕЙ МИНАЕВ

Со мной все то же самое происходило в молодости, только я не был таким же красивым, как Даня

SERGEI MINAEV

The same things were happening to me, when I was young. Only I was not as handsome as Dania

АННА ДЕ ПАОЛИ

Когда актер чересчур хорош, это может вызвать некоторые проблемы

ANNA DE PAOLI

When an actor is too good, it might become a problem

**ДУХLESS
DUKHLESS**

стр. 3

**ОТБРОСЫ
JUNKHEARTS**

стр. 4

**ВИШЕНКА НА ГРАНАТОВОМ
ДЕРЕВЕ
A CHERRY ON A POMEGRANATE
TREE**

стр. 5

**ДОКТОР КЕТЕЛЬ
DR KETEL**

стр. 5

**ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
FOURTH DIMENSION**

стр. 6

**КОРОЛЕВСТВО ПОЛНОЙ ЛУНЫ
MOONRISE KINGDOM**

стр. 7

Москва. 21 июня 2012 года.
Открытие 34 Московского кинофестиваля
Паоло Тавиани вручает Тиму Бертону
приз ММКФ «Святой Георгий»
«За вклад в мировой кинематограф»

Церемония открытия 34-го Московского международного кинофестиваля вышла такой же короткой, как красная ковровая дорожка перед кинотеатром «Октябрь», который в этом году принимал гостей вместо закрытого на реконструкцию «Пушкинского». Самая торжественная ее часть пришла на выступление Никиты Михалкова. Представляя гостям церемонии председателя жюри основного конкурса, бразильского режиссера Эктора Бабенко, Никита Сергеевич отметил: «Это бунтарь, человек-легенда, который осуществлял свои смелые и порой дерзкие идеи в самых тяжелых ситуациях. Надеюсь, он не уедет из Москвы с плохими впечатлениями».

Бразильский председатель жюри, чья фамилия досталась ему от дедушки, родившегося на Украине, извинился, что не может ответить Никите Михалкову на русском.

«Хотя у меня русская фамилия, – сказал Бабенко, – к сожалению, я не знаю ни слова по-русски. Но находясь сейчас с вами, я чувствую, что здесь моя земля, что я ее часть, плоть от плоти».

Вели церемонию актеры Константин Лавроненко и Юлия Пересильд. Оба – в черных строгих нарядах, но с разным оттенком. Константин держался в своей фирменной сдержанной манере, а Юлия, наоборот, отвечала на сцене за обаятельную непосредственность. В ключевой момент они уступили свое место Тимуру Бекмамбетову, которого в последнее время чаще можно застать в Лос-Анджелесе, чем в Москве.

– Честно говоря, меня поставили в немного неловкое по-

ложение, – начал Тимур. – Меня попросили рассказать о том человеке, который сейчас получит почетный приз за вклад в мировой кинематограф, но так, чтобы никто не догадался, кого я имею в виду. Это совершенно замечательный режиссер. И мне довелось несколько раз с ним поработать...

На этих словах в зале раздались одобрительные аплодисменты – стало ясно, что речь идет о режиссере Тиме Бертоне, который одновременно с Тимуром прилетел в Москву, чтобы представить их новый совместный проект – «Президент Линкольн: охотник на вампиров».

Вручать почетную награду вышел классик итальянского кино Паоло Тавиани, который признался, что искренне завидует «невероятной, бесшабашной фантазии» Тима Бертоне. Бертон, поблагодарив великого итальянца, «своего друга Тимура» и весь Московский кинофестиваль за столь неожиданный сюрприз, сперва извинился перед московской публикой за то, что не говорит на русском. А потом добавил: «Впрочем, и на английском я тоже говорю не очень».

Закончилась же церемония таким же кратким выступлением съемочной группы фильма-открытия – вольной экранизации бестселлера Сергея Минаева «Духless». Как заметил перед просмотром режиссер Роман Прыгунов, «фильм мы сделали еще полтора года назад. Так что он несколько застоялся. Не ищите никаких параллелей с тем, что происходит сегодня. Мы хотим, чтобы вы смотрели его как искусство кино».

Никита Карцев

Жюри/ Эктор Бабенко

ПРИСУТСТВИЕ ВЕЛИКОЛЕПИЯ

Наверное, сложно объяснить нынешнему интернетному поколению, кем был для нас тридцать лет назад Эктор Бабенко – бразильский режиссер с украинской фамилией, родившийся в Аргентине...

В начале восьмидесятых годов в московском «Иллюзионе» провели грандиозную ретроспективу бразильских картин, шедшую едва ли не два месяца. Незадолго до этого большая латиноамериканская страна освободилась от военной диктатуры, и этот праздник кино, неведомого гражданам первого в мире «государства рабочих и крестьян», был приурочен к восстановлению демократии

в Бразилии. На той ретроспективе не было картин Бабенко, но его имя мы слышали, о картине «Пишоте, закон самого слабого» знали. И отсутствие ленты в программе показа восприняли, как свидетельство ее, ленты, высокого уровня. Ведь тогда в СССР начальство всячески оберегало нашу мораль и нравственность от соприкосновения с крупными картинами выдающихся мастеров. Эти самые мастера всегда норовили поведать с экрана о чем-то таком, знаете ли, безнравственном и аморальном. Вот и этот украинский бразилец – туда же. Пишоте — подросток, живущий среди беспризорников на улицах

Сан Паулу. Драки, поножовщина, воровство, грабежи, наркотики и – о, ужас! – проституция! Как можно это показывать!!!

Когда уже во время перестройки фильм возник на каком-то из семинаров молодых критиков, то оказалось, что все вышеперечисленное – филигранно прописанный фон, на котором разворачивается история взросления юной души, которая, несмотря ни на что, стремится к Добру и Красоте. «Ноль за поведение» и «400 ударов», «Забутые» и «Черный Петр» — «Пишоте» занял свое место в этом блистательном кинематографическом ряду.

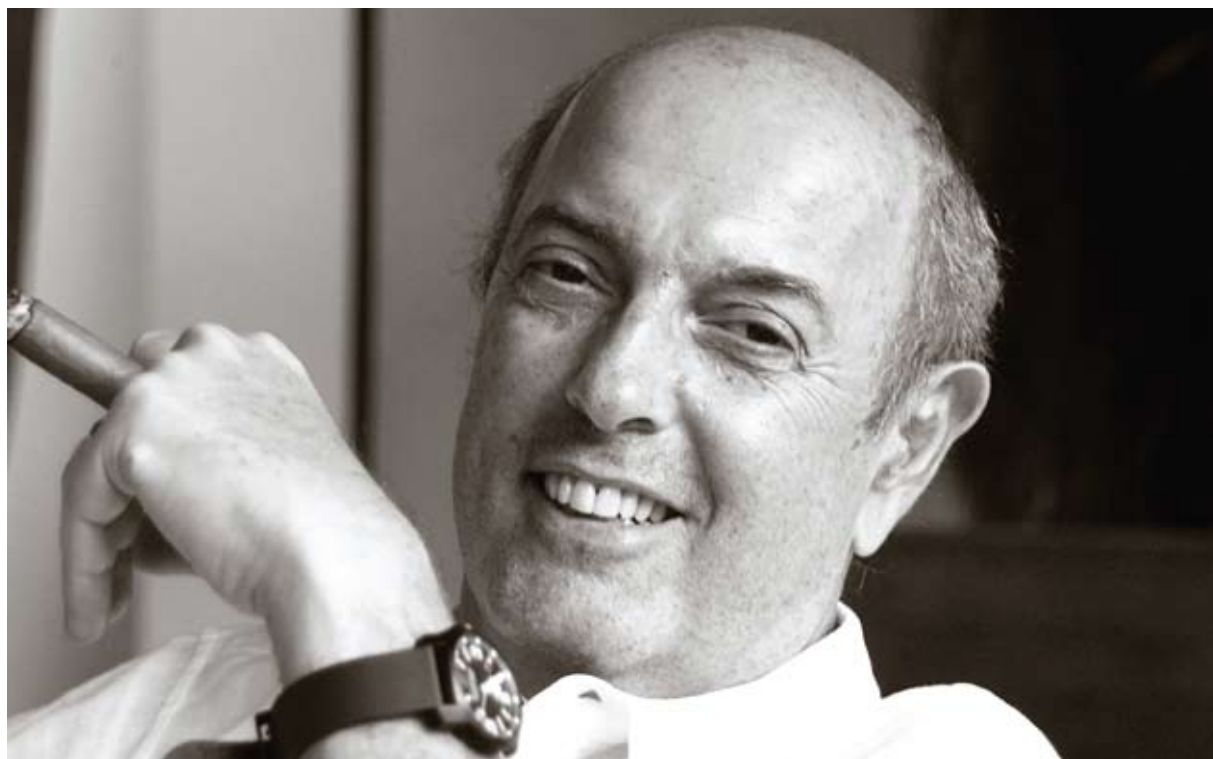
И не случайно после этой динамичной, страстной, энергичной ленты Бабенко пригласили сотрудничать с Голливудом. «Поцелуй женщины-паука» появился тогда, когда в Советском Союзе уже можно было смотреть нелегальное видео. Вообще-то, был велик шанс угодить за это в тюрьму, что в случае с новой лентой Бабенко было бы особо пикантно. Ведь в непререкаемом киношедевре, снятом по роману Мануэля Пуига, речь шла о двух заключенных – революционере, борющемся с режимом, и (ну, вот зачем, опять?) гомосексуалисте, посаженном за аморальное поведение (Уильям Херт получил за эту роль «Оскара»).

«Чертополох» уже триумфально показывался в конкурсе ММКФ в 1989 году непосредственно после того, как Джек Николсон и Мерил Стрип удостоились наград Киноакадемии. Мы начинали жить в одном времени с миром...

А два года назад в наших кинотеатрах демонстрировалась новая лента Эктора Бабенко. Она называлась «Прошлое», рассказывала о человеке, пытающемся убежать от этого самого прошлого, забыть его, не ведать о нем и, в конце концов, понимавшем, что это не только невозможно, но и не нужно.

Посему, племени младому, незнакомому, уверенному, что всемирная паутина есть кладезь знаний и мудрости, а то, чего там нет, вообще недостойно внимания, хочется сказать следующее: Кино родилось и стало великим искусством задолго до интернета. Время сетей не дало и, думается, уже не даст ни одного великого кинорежиссера. Все они – в прошлом – великом прошлом когда-то великого кино. Эктор Бабенко – один из мастеров, создавших величие экранного искусства. Его нынешний приезд в Москву должен восприниматься ценителями экранного искусства только и исключительно как счастье.

Сергей Лаврентьев

HECTOR BABENCO

Jury

It is not an easy task to explain to the present-day Internet generation who Hector Babenco was for us 30 years ago, this Brazilian director with a Ukrainian surname, born in Argentina...

In the early 1980s there was a very big retrospective of Brazilian cinema at «Illusion» in Moscow, which lasted for almost two months. Shortly before that this large Latin American country got rid of the military dictatorship and this festival of cinema, which was unknown to the citizens of the world's first «state of workers and peasants», was intended to celebrate the restoration of democracy in Brazil. Babenco's movies were not included in that retrospective, but his name was familiar, and we knew about the film «Pixote: A Lei do Mais Fraco». Its absence was taken as a proof of its high level. In those days in the USSR the authorities took pains to protect our morals from contact with important pictures by outstanding masters. Those very masters always tended to speak from the screen about something immoral and libertine. Just like this

Brazilian of Ukrainian origin. Pixote is a youngster living among homeless children in the streets of San Paulo. Fights, knives, thefts, robberies, drugs and – God forbid! – prostitution! How can such a film be screened!!!

When during the Perestroika years the film appeared at some seminar for young film critics, it turned out that all of the above was a minutely drawn background for the story of the maturing of a young soul, which in spite of everything strives for Good and Beauty. «Zero de Conduite», «The 400 Blows», «Los Olvidados» and «Cerný Petr» – «Pixote» occupied its proper place in this brilliant cinematic list.

It is no accident that after this dynamic, passionate, energetic movie Babenco was invited to Hollywood. «Kiss of the Spider Woman» was released when illegal video could already be found in the Soviet Union. Actually, there was every chance to be imprisoned for it, which would have been especially curious in the case of Babenco's film. The unquestionable master-

piece based on Manuel Puig dealt with two prisoners – a revolutionary, who fought against the regime, and (oh no, not again!) a homosexual who was serving time for immoral behavior (William Hurt got an Oscar).

«Ironweed» was triumphantly screened at the MIFF in 1989 after Jack Nicholson and Meryl Streep received awards of the Film Academy. We were starting to live in synch with the world...

Two years ago a new movie by Hector Babenco was shown in our movie theatres. It was called «El Pasado» and told about a man who tried to escape from his past, to forget it, ignore it, but eventually understood that it was not only impossible, but unnecessary.

So I'd like to tell the following to the young unknown generation, who believe that the World Wide Web is a gold-mine of knowledge and that anything that is not found there is not worthy of attention: Cinema was born and became a great art long before the Internet. The time of the Net has not produced – and probably will not – a single great director. All of them are in the past, in the great past of the once great cinema. Hector Babenco is one of the masters, who created the greatness of screen art. His present arrival in Moscow should be taken by film lovers only and exclusively as great joy.

Sergei Lavrentiev

СТРОГИЙ ЮНОША

ФИЛЬМ ОТКРЫТИЯ *Dukhless (Dukhless)* / Реж. Роман Прыгунов

«*Dukhless*» обещает стать одной из самых обсуждаемых российских кинопремьер этого года. Рассказывая о судьбе целого поколения — тех, кто родом из первой половины 70-х, фильм Романа Прыгунова претендует на глобальное обобщение героя нашего времени.

Обострение конфликтов своего времени живо воссоздано сценаристом Денисом Родиминим, адаптировавшим роман Сергея Минаева со скидкой на шесть лет, прошедшие со времени его громкого успеха. Тема лишних людей, столь излюбленная русской классической традицией, приобретает в фильме масштаб большого повествования о том, «как есть и как быть не должно».

Герой по имени Макс Андреев (Данила Козловский) — топ-менеджер русско-французского банка, читает «Financial Times» и полагает себя яппи. В современной гедонистической цивилизации он, карьерист и циник, достигает своего положения хорошим образованием, дающим ему гибкость в общении и преувеличенную способность к социализации. Герою откровенно скучно наслаждаться властью над подчиненными, деньгами, телками, клубами, официальными выставками современного искусства и слишком дорогим кокаином. Ему в этом современном искусстве — как в офисе: языки офиса и модных московских галерей неотличимы друг от друга настолько, что одинаково сильно хочется бежать от того и другого. Герой врывается в некое третье измерение, когда знакомится с девушкой Юлией (Мария Андреева), состоящей в группе левых художников-активистов.

Впрочем, фильм не о том, как актуальное искусство возбуждает критическое сознание топ-менеджера. Как порой иронично показывает «*Dukhless*», модное искусство способно говорить на том же языке поп-гламура, на котором говорит окружение героя. Фильм все же о том, как потребность в протесте овладевает в современной России представителями, казалось бы, абсолютно разных социальных групп, и тем более — о том, как они находят друг друга и себя на волне этого протеста. В этом сказывается определенная социально-политическая ирония времени, из самого духа которого и возникает беспричинный бунт в высших слоях офисного планктона.

Анжелика Артюх,
Денис Соловьев-Фридман

SOULLESS / DUKHLESS

OPENING FILM Dir. Roman Prygunov

«*Dukhless*» shows good promise as the main issue to be discussed behind the scenes of new Russian productions. As the narrative follows the fortunes of a whole generation born in the early seventies, the movie directed by Roman Prygunov claims to be a valid and sweeping generalisation about a hero-of-out-time figure.

Strained social relations and aggravation of the domestic political situation were vividly and keenly reconstructed by Denis Rodimin who adapted Sergey Minaev's book of the same title six years after its resounding success. Having been a pet subject of Russian classical literature for years, the concept of «superfluous man» assumes a special character in the film. Variations on this theme turn the scale at a big nihilistic narrative on «what things are and should not be».

Max Andreev, the principal character (starring Danila Kozlovsky) is a top-level manager for some French bank with branch office in Moscow. He reads «Financial times» and considers himself a yappy. Under the conditions that are determined by the hedonism and boredom of contemporary civilisation, this careerist and cynic is achieving high in the social scale on the score of his education, or, more precisely put, communication flexibility and hyperbolical ability to socialization that all his education gave him. He is bored to sleep of having and enjoying power over people under his command, money, the company of pieces in night clubs, official exhibitions of contemporary art, and overpriced cocaine. For him, it is as great a bore as to pass away his time in the office. After all, the language of Moscow contemporary art and that an average Moscow office speaks, are indistinguishable to such an extent that the hero is shunning the both. He knows the end, the means are to seek. Thus the hero of our time storms into something like the third dimension when he meets Julia (starring Maria Andreeva), a girl being a member of some leftist radical art-group.

However, the film tells no story of how state-of-the-art activities of contemporary art rouse and stimulate a top-level manager's critical mind. In fragments, of course, «*Dukhless*» is an obvious attempt to follow the ironical look by which it likens and makes similar the pop-glamour language of fashionable art to the language the social stratum of the main character uses. Drawing nearer, at the centre of attention are two representatives of seemingly non-adjacent social groups who are seized with a need and demand for protest. Moreover, these two find each other and themselves on the tide of public protest. That is the result of a certain political and social irony of the times from the very spirit of which the riot in the highest circles of office plankton occurs for no reason.

Anjelika Artyukh,
Denis Soloviev-Friedmann

VIP/ Тим Бертон

КРУПНАЯ РЫБА

Он говорит, что фанатеет от Болливуда и любит сравнивать себя с одним из своих персонажей – Эдом Вудом. Довольно неожиданное признание из уст режиссера, поставившего «Битлджус» и «Эдвард Руки-ножницы», признанного во всем мире в качестве одного из самых изощренных мастеров. Сравнение себя с режиссером, известным как самый плохой во всей истории кино, и пристрастие к музыкальным мелодрамам с невероятными сюжетами требует либо определенного мужества, либо особо тонкого юмора. Тим Бертон обладает и тем, и другим. Но в то же время он поясняет, что каждый раз, берясь за очередную постановку, подходит к ней с оптимизмом, энтузиазмом и самоотречением, как это было свойственно беззаветно влюбленному в кино Эду Вуду. А с другой стороны, Бертон с детства любит волшебные сказки и невероятные истории, и, работая с хорошо известными персонажами, такими, как Бэтмен, Вилли Вонка, Суини Тодд или Алиса из Страны чудес, осовременивает классические образы и темы, подобно тому, как в индийском кино встречаются сон, мечта и реальность. Индийское кино уходит корнями в древнюю санскритскую драму с ее стилизациями и акцентом на зрелищности — так же, как фильмы Бертона, где обитают странные персонажи, погруженные в фантастические (чаще всего мрачно-готические) декорации. Ну и наконец, болливудская продукция ориентирована на самую широкую аудиторию, как лекарство от бед, которые ничем другим не вылечить; истории, которые выбирает Бертон, тоже по-своему универсальны: это всегда путешествие по лабиринтам и закоулкам души, в которое вовлекается и ребенок, и взрослый, пытаясь так или иначе решить свои проблемы.

Тим Бертон не только режиссер, но и продюсер, и нередко зрители приписывают ему фильмы, поставленные кем-то другим — так сильно ощущается в них его творческое влияние. Как продюсер Бертон присоединился к проекту «Президент Линкольн: охотник на вампиров», когда сценарист и писатель Сет Грэм-Смит еще даже не закончил эту книгу. Идея привлекла Бертона жгучей смесью реальной истории президента США, покончившего с рабовладением, и жанрового антуража B-movie. «Я вырос на диком, неправильном кино, и это как раз история из тех, что навсегда засели в моем подсознании», — говорит Бертон. Через полтора года жарких дискуссий с постановщиком Тимуром Бекмамбетовым был запущен в производство фильм, слухи о котором уже вызвали скандал в США (ну как же — создатели без всякого пиетета обошлись с такой священной фигурой!), а премьера состоялась на Московском кинофестивале.

Нина Цыркун

УДАР ГОЛОВОЙ

КОНКУРС Отбросы (Junkhearts) / Реж. Тиндж Кришнан

В этом году председателем жюри основного конкурса Московского кинофестиваля стал режиссер Эктор Бабенко, а четверть века назад его собственный фильм «Чертополох» был участником этого самого конкурса. В том фильме Джек Николсон играл алкаша с двадцатилетним стажем, который ушел на обочину жизни после того, как, набравшись пива, нечаянно пристукнул насмерть собственного младенца и пережил, как теперь бы выразились, посттравматическое стрессовое расстройство. Странствуя по барам и ночлежкам, он пригревает на своей груди бродяжку (Мерил Стрип). Живописуя фантазерское состояние психики пьяных, Бабенко прибегал к устаревшим на момент создания картины киноштампам, чуть более жирному, вкусному, чем было принято в конце 80-х, киноязыку: визит в бар превращался в сцену из мюзикла; когда Стрип, бывшая пианистка, видела в магазине пианино, камера на тележке начинала параллельное движение с актрисой к инструменту; в сцене молитвы на лицо актрисы сверху падал сноп света и т.д.

Теперь Бабенко самому придется судить фильм «Отбросы» о схожей ситуации, только помещенной на улицы и в муниципальные жилища современной Англии, разве что бродяжке нынче 17 лет, и цвет

ЦВЕТ ГРАНАТА

КОНКУРС Вишенка на гранатовом дереве (A cherry on a pomegranate tree) / Реж. Чэнь Ли

Завзятая селянка Фаньхуа желает сохранить за собой позицию старосты забытой богом китайской деревушки, для чего выписывает из города своего лузера-мужа. Он нужен ей в качестве литературного негра для написания предвыборных речей и создания группы поддержки для активизации населения. У активистки Фаньхуа забот полон рот: необходимо обработать электорат, по возможности применив к каждому пастуху и свинарке индивидуальный подход, устранить близлежащих конкурентов и обеспечить достойный прием неожиданно возжелавшим посетить ее деревню американцам (расшалившееся девичье воображение уже

рассчитывает на скорый приток инвестиций). Обязана Фаньхуа и блюсти линию партии, не позволяя похотливым односельчанам размножаться по их усмотрению: постановление о двух детях на одну китайскую семью еще никто не отменял. Надо ли говорить, что в один прекрасный момент у Фаньхуа все пойдет не по плану, а наперекосяк: туповатая односельчанка забеременеет в третий раз и, опасаясь возмездия, скроется из виду, на Фаньхуа за это косо посмотрит райком, на политическую грядке откуда ни возьмись проклюнутся конкуренты...

Китайская социальная комедия — редкий гость на фестивальных экранах (про прокат забудем

вообще). Пытаясь адаптировать национальный контент к интернациональной аудитории, авторы «Вишенки на гранатовом дереве» самоотверженно сводят китайскую самобытность к поэтически парадоксальному названию, в дальнейшем ограничиваясь формальными ухищрениями жанрового кино, отыгранными на Западе еще в середине 1990-х. Так, словоохотливое действо то и дело тормозится стоп-кадрами, поверх которых бодрый китайский голос объясняет, кем приходится друг другу многочисленные его фигуры. Добавляет ли такой прием увлекательности действию? Вопрос остается открытым.

Стас Тыркин

кожи у ней смуглый, и к пианино она не приучена. Зато, как и «Чертополох», новый фильм жонглирует всеми штампами кино — только фестивального и недавнего, теми, что поднакопились за последний десяток лет. То есть, если панорама города — то непременно с нависшим над ним крапом, если сцена вечеринки — то камера выхватывает дрыгающиеся части тел без голов, если принесли крэк и пушку на хазу и идет торг — то резкая восьмерка при помощи неверно болтающейся ручной камеры, объектив которой то и дело соскальзывает вниз, на сумку с товаром...

Известно, что дебютирующая в полном метре режиссер Тиндж Кришнан сама пережила это самое посттравматическое расстройство, помогая жертвам цунами, а здесь она остроумно зарифмовала его с тем расстройством, которое переживает каждый, насмотревшийся на своем веку современного кино, нацеленного на фестивальный прокат. Рифма оправданная — киноязык не просто обеднел, он нищ, гол и ужасен. Что вполне соответствует нынешним расхожим представлениям об алкоголизме. Если в 1987-ом, когда Бабенко снимал свой «Чертополох», пьянство все же романтизировалось, а годом позже «Золотого льва» в Венеции и вовсе взяла картина Эрмано Ольми с говорящим на-

званием «Легенда о святом пропойце», то теперь на пьянство в кино нужно иметь убедительную лицензию типа «Я воевал в Ольстере, у меня на глазах перерезали всю семью», что-нибудь такое, и непременно жаждать от него — пьянства — избавиться, дабы остаток дней весело жарить яичницу милым девочкам по утрам. Так что ж, выходит, и кино нынче не то, и пьянство тоже уже не то, и куда мы катимся?

Я бы не был столь пессимистичен: есть в «Отбросах» одна сцена... Когда ухажер бродяжки возвращается из опасной отлучки, а она заснула на кушетке, изведаясь в ожидании его, он сперва ее пугает, а потом осыпает, как конфетти, купюрами, которые предварительно распрятал повсюду под одеждой, а в итоге еще и дарит кулон. Так же возвращается в «Смешной девочке» Омар Шариф к Барбре Стрейзанд на теплоходе после покера, где он должен либо проиграть их будущую совместную жизнь, либо выиграть денег на свадьбу; только вместо кулона там — обручальное кольцо. Эта, может, и невольная цитата указывает на то, что жизнь до травмы все-таки нет-нет да и пробивается в памяти новой поросли кинематографистов-посттравматиков. Значит, жить будем!

Алексей Васильев

СУМАСШЕДШАЯ ПОМОЩЬ

ПЕРСПЕКТИВЫ
Доктор Кетель (Dr Ketel) / Реж. Линус де Паоли

В Германии, стране с одной из лучших систем здравоохранения в мире, рожден этот фильм, чей протагонист, доведенный до отчаяния доктор Кетель, грабит аптеки (иногда даже вступая в сношения с аптекаршами), чтобы помочь прозябающим в берлинском Нойкельне пациентам, у которых нет средств ни на лекарства, ни на лечение.

Действуя партизанскими методами, этот разжалованный доктор Айболит оказывает квалифицированную медицинскую помощь лишенным страховки бомжам, наркоманам, фрикам, бродягам и нелегальным мигрантам. При этом сам доктор демонстрирует признаки крайнего нездоровья: однажды он даже изрыгнет из себя субстанцию, похожую на экскременты. И поместит ее в банку для дальнейшего изучения.

Заинтриговав нас подобной постановкой вопроса, подающий надежды Линус де Паоли неожиданно прерывает это весьма увлекательное действие, зачем-то делит его на новеллы и вводит нового персонажа — куда менее интересного, чем упомянутый доктор. Это прибывшая из Америки специалистка по криминальному поведению и охранным системам (Аманда Пламмер). Ее, как и нас, увлекает интересное дело доктора Кетеля и в особенности — загадочная субстанция в банке. Развязка сюжета скорее разочаровывает, так как лихо придуманная история «из недалекого будущего», реализованная экспрессивно, с природным кинематографическим чувством, обернется нравоучительной параболой о необходимости, невзирая ни на что, хранить верность своему призванию и не изменять ему ни за какие коврижки. Впрочем, работая с бюджетом в двадцать тысяч евро, молодой, явно талантливый режиссер явно знает, о чем говорит. И потому имеет право на подобный пафос.

Стас Тыркин

ИГРЫ РАЗУМА

ПЕРСПЕКТИВЫ Четвертое измерение (Fourth Dimension) / Реж. Ян Квесиньски, Хармони Корин, Алексей Федорченко

Каждая из трех новелл фильма «Четвертое измерение» утверждает наличие этого «четвертого измерения», но утверждает по-своему: иронически, трагически, апокалиптически. Иронически здесь мыслит Хармони Корин в новелле «Мастерская общества лотоса». Пригласив Вэла Килмера сыграть Вэла Килмера, проводящего сеансы не то коллективного гипноза, не то актерского мастерства, режиссер показывает, как нынешняя голливудская звезда становится чем-то вроде посредника между землянами и космосом. Если голливудские фильмы говорят нам, что «мы не одни в космосе», то голливудская звезда каждый раз, когда сходит с экрана, чтобы побыть рядом со своими фанатами, призвана напомнить о прочности связи с четвертым измерением. Пусть ее тайная жизнь состоит только в том, чтобы играть в компьютерные игры, кататься на велосипеде, флиртовать с девушкой, искать по магазинам диск для просмотра и т.д.. Все это лишь маленький отдых от главного предназначения: быть проводником в звездное небо, в мир мечты, где место найдется и Богу, и инопланетянам.

Трагизм новеллы Алексея Федорченко «Хроноглаз» определяется отчетливой неуместностью Ученого в России. Его удел слыть сумасшедшим, особенно перед лицом налоговых органов, если вдруг придет в голову отказаться от премии за доказанную теоре-

му. Герой фильма именно такой сумасшедший, трагически рассуждающий о значении времени и тщетно пытающийся подумать о чем-то абстрактном в скромной квартире, пока бесконечно танцующая соседка бьет по мозгам музыкальными битами. Здесь трагедия в том, что наука умерла, ушла и не вернулась, как ушла и не вернулась жена ученого, чья последняя записка так и осталась лежать в комнате с пианино, и герою больно в нее заглядывать. Науки нет, нет и четвертого измерения. Ищите в других мирах.

Польский режиссер Ян Квесиньски в заключительной новелле «Оленята» вообще считает, что четвертое измерение в современной постгуманистиче-

ской цивилизации нужно искать не в космосе, а в человеке. В его фильме банда молодых подонков оказывается в небольшом городке, пережившем катастрофу, подобную тем, с которыми столкнулись населенные пункты, находящиеся неподалеку от расколовшихся атомных реакторов. Мародерство и секс в мертвых домах – единственное, что приходит в голову начинающему отребью, пока случайно они не теряют товарища и не наталкиваются на последних выживших. Для того, чтобы вспомнить, что ты все-таки человек, нужно убить. Как у Достоевского. Совесть – это прорыв в четвертое измерение перед лицом забытого было Бога.

Анжелика Артюх

FOURTH DIMENSION

PERSPECTIVES Dir. Jan Kwiecinski, Harmony Korine, Aleksei Fedorchenko

«Fourth Dimension» consists of three novellas. Each of the three directors asserts that the fourth dimension is available but each affirms and has it in his own way, setting the stories apart with three different focuses: ironic, tragic and apocalyptic. Harmony Korine has an ironical think in his Lotus Community Workshop novella. He offered Val Kilmer the role of Val Kilmer as if conducting either a collective hypnosis session or an acting technique lesson. Whether or not, the director shows how a present Hollywood star is becoming somebody like an intermediary between earthmen and Deep Space. Following Hollywood movies, we are reported to be not alone in the Universe. And a movie star descending to cinema devotees from the heights of the silver screen, is called up to serve as a reminder about our close links with the fourth dimension, even if the secret life of the star turns out a trifle – playing computer games, going for a cycle ride, flirting with a girl, shopping round for a disc, etc. Still and all, that is just a brief respite from the chief task of being a conductor into the seventh skies full of stars, the world of dreams with plenty of room for both God and extraterrestrials.

The tragedy of Aleksei Fedorchenko's «Chronoeye» is underlain by a figure of Russian scientist as a superfluous man. It is his destiny to have a reputation for being a lunatic, especially in the face of tax authorities if he is going to refuse a prize for a proved theorem. He is giving some tragic consideration to the matter of time and making a vain attempt to think of something abstract, living in a cramped apartment. In the meantime, his neighbour is dancing non-stop and lashing him into a wild frenzy by musical beats. The tragedy here is that science has died and become a thing of the past, just as the scientist's wife who went and didn't come back. Her last letter is still lying in a piano room, and it pains him to look into it. There is neither science nor the fourth dimension. Seek in other worlds. And ye shall find, maybe.

The curtain novella, Jan Kwiecinski's «Fawns» follows the idea of looking for the fourth dimension not in the skies but in human. This solution was suggested by post-humanistic culture itself. In the film, a few young dregs of the society find themselves in a city that has gone through an overwhelming catastrophe, like those leaving desert cities and fractured nuclear reactors. They are unceremoniously looting and getting down and dirty in the abandoned houses until they have lost a friend of theirs and run into few people survived. To recollect that you are human yet, you must kill, in Dostoevsky's way of doing things. Conscience is the breakthrough into the fourth dimension as a man faces God very nearly forgotten.

Anjelika Artyukh

КУКЛЫ

8 ½ ФИЛЬМОВ Королевство полной луны (Moonrise Kingdom) / Реж. Уэс Андерсон

Эта ансамблевая лирическая ретро-недоемкая стилизована до такой степени, что в какой-то момент ловишь себя на ощущении, что смотришь кукольный фильм. Впрочем, предыдущий (и лучший!) фильм Андерсона, «Бесподобный мистер Фокс», как раз-таки и был кукольным. Джордж Клуни, Мэрил Стрип и прочие звезды убедительно, хоть и за кадром изображали в нем в меру дисфункциональное лисье семейство. Персонажи новой картины в исполнении не менее звезд-

ного актерского состава в лице Брюса Уиллиса, Билла Мюррея, Тильды Свинтон, Эдварда Нортон, Харви Кейтеля и др. похожи на людей примерно так же, хотя и лишены хвостов и подшерстка. То есть отдаленно и ненавязчиво их чем-то напоминают.

Андерсон — типичный представитель золотой голливудской молодежи, с детства отравленной европейским кино и оправдывающей свое предпочтение Лос-Анджелеса Нью-Йорку фактическим проживанием в Европе. В «Королевстве

полной луны» он привычно бахвалится своей кинематографической «продвинутой», лукавой старомодностью формы (действие фильма отнесено к 1965 году) и невозмутимо бесстрастным, на грани самоуничтожения, юмором. Излюбленный тип героя Андерсона (как и близкой ему по духу Софии Копполы) — уже не вполне юный инфантил, «клеветный парень», изо всех сил старающийся блюсти свою стильную непохожесть на других. В «Королевстве полной луны», кажется, впервые после «Рашмора», функцию инфантила с полным правом взял на себя ребенок: двенадцатилетний сирота Сэм в дурацкой шапке, украшенной хвостом «бесподобного мистера Фокса», решительно задвигает в угол не менее инфантильных, часто в коротких штанишках, взрослых. По сюжету гонимый первой любовью подросток совершает побег из лагеря скаутов, где чувствует себя белой вороной. На бескрайних лугах Новой Англии к нему присоединяется влюбленная в него сверстница из «хорошей семьи» (Фрэнсис МакДорманд разывается между мужем Биллом Мюрреем и любовником Брюсом Уиллисом, обхохочешься). Прежде чем отправиться в этот аккуратный отрыв, прихватив с собой граммофон и кошечку в клетке (куда же без них?), подростки годами обменивались церемонными письмами — более литературными могли быть, вероятно, только сценарные разработки Андерсона и Романа Копполы. Их фильм, созданный исключительно для «детей изрядного возраста» и во всех отношениях прекрасный, больше всего напоминает штучно исполненную, вполне себе дивную шкатулку, изящный кукольный домик. Шкатулке, впрочем, неплохо иметь внутри себя какой-никакой секрет, а играть в куклы — в силу возраста и прочих обстоятельств жизни — любят далеко не все взрослые.

Стас Тыркин

СВОБОДА – ЭТО РАЙ

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО Театр Свободы (Divadlo Svoboda) / Реж. Якуб Гейна

Йозеф Свобода — легендарный чешский сценограф, умерший в 2002 году. Он вошел в историю мирового театра не только своим невероятным трудолюбием (поучаствовав в оформлении более 700 спектаклей по всему миру), но и совершенно уникальным талантом. Экспериментируя с кинетикой, оптикой, электроникой и световыми спецэффектами, он превратил сцену из обычной декорации в неотъемлемую часть театрального действия. А с тех пор как Свобода придумал и запатентовал собственные лампы со сложным световым эффектом, которые получили его имя, театральные режиссеры в коммунистической Чехии могли совершенно законно потребовать на репетиции зычным голосом: «Дайте мне больше «свободы»!»

Режиссер фильма, Якуб Гейна — родной внук Свободы. И это родство идет картине только на пользу. Действие начинается с того, что Якуб в ночи буквально врывается в музей, где стоит бюст его дедушки, чтобы, нацепив на его каменную голову легкую камеру, отправиться в ироничное путешествие по тем местам, где еще живы люди, помнящие о Свободе. В отличие от гениального дедушки, каждый раз искавшего новые способы использования сценического

пространства, Гейна следует вполне стандартным схемам. Фрагменты из спектаклей, кадры из мастерской, кулисы родного театра «Латерна магика», интервью с коллегами-сценографами, режиссерами и последней любимой женщиной. Одни из самых ярких моментов — фрагменты интервью самого Йозефа Свободы. В одном из них он делится воспоминаниями о детстве: «Мой отец, когда учил меня столярному мастерству, часто повторял: никаких экспериментов, никаких экспериментов. Мы должны делать точно так же, как это делалось до нас столетиями». Надо ли говорить, что в творчестве Йозефа поступал ровно наоборот.

Органично соединяя все кусочки в единое целое (не зря Гейна по первой профессии — монтажёр), «Театр Свободы» выглядит вполне классическим портретом большого художника. Но из-за постоянных появлений в кадре автора, не устающего с юмором напоминать, что речь идет именно о его родном деде, создается впечатление, что этот портрет выпал из чьего-то старинного семейного альбома, который случайно попался тебе на глаза. Местами смотреть даже как-то неловко, но в общем и целом — очень увлекательно.

Никита Карцев

TIM BURTON

VIP

He admits being a Bollywood fan and likes to compare himself to one of his heroes – Ed Wood. Rather an unexpected confession from the director of Beetle Juice and Edward Scissorhand, internationally recognized as one of the wittiest. Self-identification with the legendary Worst Film Director of All Time as well as affection for a spice mixture of song-and-dance demands a great deal of courage or – rather – a specific subtle sense of humor. Tim Burton can righteously boast of both. Anyhow he explains that, devoting time to filmmaking he enters into every movie with the Wood's mixture of optimism, enthusiasm, and self-denial. From the other hand he's always loved the idea of fairy tales, and working with pre-existing stories and characters – say, Batman, Willy Wonka, Sweeney Todd or Alice in Wonderland – tries to contemporize classic images and themes in a way dream and reality meet in Indian films. Bollywood pics are deeply rooted in an ancient Sanskrit drama with its highly stylized nature and emphasis on spectacle, likewise Burton's films, inhabited with bizarre characters, are plunged into fantastic scenery. To crown it all Bollywood production is oriented towards all kinds of audiences as a certain therapy; the stories Burton chooses, are universal in the sense that represent an internal journey, a trip inside the human psyche which every child or adult does, attempting at working out their problems.

Tim Burton is not only a filmmaker, but also a producer, and often films made by some other directors, are attributed to him due to specific creative influences on their subplots and stylistics. He involved into the project initiated by a screenwriter and novelist Seth Grahame-Smith Abraham Lincoln Vampire Hunter at the earliest stages of writing the book, attracted by unusual mixture of B-movies genre entourage and real life story of the US 16-th president, who ended up slavery. «I grew up on weird perverse movies, and it just seemed like one of those kind of movies that just tapped into my subconscious», - says Burton. During a year and a half of heated discussions with director Timur Bekmambetov the movie was launched, which already evoked scandal in USA (a sacred figure appears in weird genre) and is premiered at the Moscow International Film Festival.

Nina Tsyrukun

JUNKHEARTS

COMPETITION Dir. Tinge Krishnan

This year the Chairman of the main competition Jury is Hector Babenco and a quarter of a century ago his own movie «Ironweed» participated in the same competition. In that movie Jack Nicholson played a drunkard with a 20-year-record, living on the wayside of life. Having downed a considerable amount of beer he had accidentally killed his own baby and experienced, to use modern terminology, a post-traumatic disorder. Drifting from bar to bar he cherished a tramp (Meryl Streep) in his bosom. Painting the drunkards' fantasy state of mind Babenco made use of the obsolete (at that time) film clichés, of the slightly juicier and greasier film language than was customary in the late 80s. A visit to the bar turns into a musical scene; when Streep, who had once been a pianist, sees a piano in the shop window the camera starts to move in the direction of the instrument together with the actress; when she is praying, a ray of light illuminates her face etc.

Now Babenco will have to evaluate the movie «Junkhearts» with a similar storyline, which unveils in the streets and municipal buildings of modern England. This time the tramp is 17 and the color of her skin is swarthy. She is not used to the piano either. But just like «Ironweed» the new movie jungles every imaginable movie cliché of the recent festival kind, those accumulated over the past decade. That is to say that if there is a cityscape, there will inevitably be a hoisting crane; in a party scene the camera shows twitching headless bodies; when crack and a gun are brought and a haggle is underway, then we have the unsteady hand-held camera and its gaze constantly slips to the bag with the goods; in the hospital ward there is the inevitable deathly bluish light; and when the characters are fooling around in the park teaching each other fighting holds and club dancing respectively, they are being shot against the sun with warm sunset flares.

It is no secret that the debutante Tinge Krishnan herself experienced this very post-traumatic disorder when she was helping tsunami victims. Here she wittily likened it to the post-traumatic disorder experienced by everyone who has seen a lot of modern movies made for festival screenings. The similarity is justified: the film language is not merely impoverished, it is destitute, naked and horrible. Which agrees with the contemporary notions of alcoholism. While in 1987, when Babenco was shooting his «Ironweed», drinking was somehow romanticized and a year later the Golden Lion in Venice went to Ermanno Olmi's film with a telling name «The Legend of the Holy Drinker», at present on-screen drinking should have a serious license. Something like «I fought in Ulster and my whole

family was cut before my very eyes» and the hero must be desperate to do away with his habit to be able to spend the remainder of his days merrily frying eggs for charming girls in the mornings. So what does it amount to? Cinema is not like it used to be, drinking is not like it used to be, where are we heading?

I would not be too pessimistic. There is one episode in the «Junkhearts». The tramp's boyfriend returns from a perilous outing and finds her sleeping on the couch, too tired of her anxious waiting. First he frightens her, but then showers with banknotes as though they were confetti, which he has hidden in his clothes and finally even gives her a pendent. It is similar to the way Omar Sharif comes back to Barbra Streisand in «Funny Girl» on the boat after a game of poker where he could either lose their future life together or win money for their wedding. Only that time there was a wedding ring instead of the pendent. This perhaps involuntary quotation means that occasionally the pre-traumatic life breaks through in the memory of post-traumatic filmmakers. Which means we'll be OK!

Alexei Vasiliev

A CHERRY ON A POMEGRANATE TREE

COMPETITION Dir. Chen Li

An addicted villager Fanhua wants to preserve her place as an elder in a God-forsaken Chinese village and to this end summons her looser husband from the town. She needs him as a ghost writer to prepare her election speeches and to create a group of support to stir up the villagers. The activist Fanhua has her hands full: she has to work at the electorate, as far as possible using individual approach to every herder and pig tender; she has to eliminate competition and ensure a due reception for the unexpectedly arriving Americans (the wild girlish imagination already paints pictures of quick investments). Fanhua must also enforce the party line and no let her lustful fellow villagers proliferate at their will: no one has as yet abolished the decree about two children per Chinese family. No need to say that one fine day everything goes wrong in Fanhua's life: a foolish village girl will get pregnant for the third time and will flee for fear of retribution and the regional committee will frown at Fanhua for that. On the political flower-bed competitors will spring up out of nowhere...

Chinese social comedy is a rare guest on festival screens (we won't even mention distribution at all). Trying to adapt national content for the internation-

al viewer the creators of «Cherry on a Pomegranate Tree» selflessly limit Chinese national flavor to the poetically paradoxical title and resort to using formal genre devices tested in the West in the 1990s. Thus the verbose action is interrupted by stills time and again and in the voiceover a vigorous Chinese voice explains the relationships between various characters. Does this device add entertainment to the action? The question remains unanswered.

Stas Tyrkin

DR KETEL

PERSPECTIVES Dir. Linus de Paoli

This film originated in Germany, which boasts one of the best health care systems. Its protagonist, Dr. Ketel is driven to despair and goes robbing drug-stores (sometimes even having sexual intercourse with shop assistants) to help his patients who lead miserable lives in the Berlin district of Neukölln and have no money for medicines or surgeries. Practicing guerilla warfare, the demoted doctor offers qualified medical help to tramps with no insurance, drug addicts, freaks, beggars and illegal immigrants. The doctor himself shows signs of a serious illness: once he even throws up a substance reminding of excrements. He will place it in a jar for subsequent study.

Having aroused our interest with this exposé, the promising Linus de Paoli suddenly interrupts the fascinating action, for some reason divides it into chapters and introduces a new character, far less interesting than the above-mentioned Doctor. She is an American specialist on criminal behavior and security systems (Amanda Plummer). Like us she is fascinated with Dr. Ketel's unusual case and especially the mysterious substance in the jar. The dénouement disappoints because the dashing story from «the near future» filmed expressively, with a natural cinematic instinct will turn into a parable about the need to stay loyal to one's vocation and never betray it notwithstanding the circumstances. On the other hand the young talented director evidently knows what he is talking about when he has a budget of 20 thousand Euros. And that gives him the right to be so emotional.

Stas Tyrkin

MOONRISE KINGDOM

8 ½ FILMS Dir. Wes Anderson

This ensemble lyrical retro semi-comedy is stylized to a degree when you are tempted to believe that you are watching a puppet film. Actually, Anderson's previous movie (and a better one it

was!) called «Fantastic Mr. Fox» was a puppet one. George Clooney, Meryl Streep and other stars embodied – albeit off-screen – a moderately dysfunctional fox family. The characters in the new movie played by a no less stellar cast including Bruce Willis, Bill Murray, Tilda Swinton, Edward Norton, Harvey Keitel and others resemble human beings just as much, although they sport no tails and undercoat. Which is to say, they give a remote and unobtrusive idea of humans.

Anderson is a typical representative of golden Hollywood youth, from the early age poisoned by European cinema, who justifies his preference of New York over Los-Angeles by effectively living in Europe. In «Moonrise Kingdom» he makes a habitual display of being cinematically «advanced», plays with the old-fashioned form (the action is set in 1965) and demonstrates almost self-deprecating, unperturbed and unemotional humor. Anderson's favorite protagonist (like that of Sofia Coppola, his kindred spirit) is a not altogether young infantile person, a «cool guy» who tries his utmost to remain different from everyone else. It seems that for the first time after «Rushmore», in «Moonrise Kingdom» the infantile part was performed by a child: the 12-year-old orphan Sam in his silly cap with a fox tail of Fantastic Mr. Fox resolutely dries into a corner the no less infantile adults, often clad in short pants as well. According to the story the youngster, driven by his first love, escapes from a scout camp where he feels himself a square peg in a round hole. In the boundless meadows of New England he is joined by his beloved girl from a «good family» (Frances McDormand is torn between her husband Bill Murray and her lover Bruce Willis – you can laugh yourself silly). Prior to playing this neat field with a gramophone and a cat in a cage (one just can't do without them) the youngsters spent years exchanging ceremonious letters. More literary texts could be found probably only in Anderson and Roman Coppola's

script treatments. Their movie created specifically for «children of advanced age» and remarkable in every respect, is best compared to a tailor-made exquisite casket, an elegant doll house. A casket could do with some sort of secret, but playing with dolls is not a pass-time that is universally loved by all adults for reasons of aged and other circumstances.

Stas Tyrkin

THEATRE SVOBODA / DIVADLO SVOBODA

DOCUMENTARY COMPETITION

Dir. Jakub Hejna

Joseph Svoboda is a legendary Czech stage designer who died in 2002. In the history of world theatre he will be remembered not merely for his unique industriousness (he took part in designing more than 700 plays worldwide), but also for his exclusive talent. He experimented with kinetics, optics, electronics and lighting effects and turned the stage from a mere backdrop to an integral part of the performance. And since the time Svoboda (his name means «freedom») invented and patented his own lamps with a complex lighting effect which were named after him, Czech stage directors had every right to demand loudly during rehearsals: «I need more Freedom»!

The director Jakub Hejna is Svoboda's grand-son, and this is to the benefit of the movies. The action starts with Jakub literally bursting into the museum at night. He attaches a light camera to the stone head of his grandfather and sets out on an ironic journey to places, where there are still people who remember Svoboda. As opposed to his brilliant grandfather, who tried to find new ways of using the space of the stage every time, Hejna follows the usual schema. Excerpts from plays, footage from the workshop, the curtain of his native theatre «Laterna Magica», interviews with other stage designers, directors, with his last beloved woman. One of the most memorable scenes contains parts of an interview with Josef Svoboda himself. He shares his childhood memories: «When my father taught me carpentry he repeated again and again: no experimenting, no experimenting. We must work exactly the way it had been done for centuries before us». No need to say that in his creative work Josef did the opposite.

Skillfully joining all fragments into a single whole (Hejna was initially an editor) «Theatre Svoboda» looks a reasonably classic portrait of an outstanding artist. But because the filmmaker repeatedly pops up in the frame and tirelessly and humorously reminds us that he is talking about his own grandfather, the general impression is that this portrait has just slipped out of a family album, which chanced to catch your eye. Sometimes you even feel ill-at-ease, but on the whole the film is very entertaining.

Nikita Kartsev

1. Никита Михалков
2. Мария Голубкина с дочкой
3. Роман Прыгунов
4. Мария Миронова
5. Рената Литвинова
6. Гонконгский режиссер Юфань со спутницами
7. Линус и Анна де Паоли with baby
8. Тинж Кришнан (слева) и актриса Кендис Рейт
9. Ольга Будина

22 ИЮНЯ/ JUNE, 22

16:00	Прошлое / THE PAST	Октябрь,9	114
16:00	История Гленна Миллера / THE GLENN MILLER STORY	Октябрь, 4	115
16:30	Убить пересмешника / TO KILL A MOCKINGBIRD	Октябрь, 7	129
17:00	Вишенка на гранатовом дереве / A CHERRY ON A POMEGRANATE TREE	Октябрь,1	89
17:00	Дети Гитлера / HITLER'S CHILDREN	Октябрь,5	80
17:00	Страна бурь / STORMLAND	Октябрь,	98
17:30	Тайна Пикассо / THE MYSTERY OF PICASSO	Октябрь,6	78
18:30	Америга / AMERIGA	Октябрь,9	55
19:00	Отбросы / JUNKHEARTS	Октябрь,1	99
19:00	Четвертое измерение / THE FOURTH DIMENSION	Октябрь,4	106
19:00	М. Город ищет убийцу / M	Октябрь,9	99

19:00	Театр Свобода / THEATRE SVOBODA	Октябрь,2	98
19:30	Сыны облаков / SONS OF THE CLOUDS	Октябрь,5	80
19:30	Штиль / CALM AT SEA	Октябрь,7	90
19:30	Гавана, я люблю тебя / 7 DAYS IN HABANA	Октябрь,8	129
20:00	Ниночка / NINOTCHKA	Октябрь,6	110
20:00	Бирмингемский орнамент / BIRMINGHAM ORNAMENT	Октябрь,11	68
21:30	Комната 237 / ROOM 237	Октябрь,2	102
21:30	5 разбитых камер / 5 BROKEN CAMERAS	Октябрь,5	90
21:30	Принц слёз / PRINCE OF TEARS	Октябрь,4	123
22:00	Королевство полной луны / MOONRISE KINGDOM	Октябрь,1	94
22:00	«Новое поколение СИНЕ ФАНТОМ» Часть 1 / «New Generation of Cine Fantom» Part 1	96	114
22:30	Птицы / THE BIRDS	Летний Пионер	119
23:30	Здесь и там / HERE AND THERE	Октябрь,	5

34 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
34 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 34 ММКФ / 34 MIFF SPONSORS

Mercedes-Benz

L'ORÉAL
PARIS

CARRERA / CARRERA
MADRID

InStyle

Коммерсантъ

HELLO!

WWW.KINOBUSINESS.COM
КИНОБИЗНЕС
СЕГОДНЯ

рамблер-касса

